

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА МОРФОЛОГИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Бурханова Гульрух Садриддиновна,

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Юлдашева Донохон Азад кизи,

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института.*

АННОТАЦИЯ: Настоящая статья посвящена исследованию влияния глобализационных процессов на морфологическую систему современного русского языка. В работе анализируется, как активное проникновение англо-американизмов и интернациональной лексики трансформирует механизмы словообразования, изменяет продуктивность аффиксальных моделей и в отдельных случаях воздействует на грамматические категории рода, числа и падежа. Автор рассматривает феномен глобализации не как внешнюю угрозу языковой «чистоте», а как катализатор внутренних динамических процессов, обнажающий латентные тенденции, веками дремавшие в структуре русского языка. Особое внимание уделяется интернациональным префиксам и суффиксам (анти-, контр-, пост-, -инг, -гейт), которые из периферийных элементов превратились в активные словообразовательные инструменты, а также колебаниям в родовой принадлежности несклоняемых заимствований, свидетельствующим о перестройке оценочных категорий носителей языка. В финале статьи выдвигается гипотеза о том, что глобализация парадоксальным образом не разрушает, а, напротив, высвечивает уникальность русской морфологической системы, которая демонстрирует высокую степень

резистентности: заимствуя лексику, язык перерабатывает ее по своим внутренним законам, отказываясь ассимилировать те иноязычные грамматические модели, которые противоречат его генетической структуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, морфологическая система, заимствование, словообразование, род несклоняемых существительных, аффиксальная продуктивность, грамматическая адаптация, интернационализация.

ABSTRACT: This paper examines the impact of globalization processes on the morphological system of the modern Russian language. The study analyzes how the active influx of Anglo-Americanisms and international lexis transforms derivational mechanisms, alters the productivity of affixal models, and in certain cases affects grammatical categories of gender, number, and case. The author views globalization not as an external threat to linguistic "purity" but as a catalyst for internal dynamic processes, exposing latent tendencies that have slumbered for centuries within the structure of Russian. Special attention is given to international prefixes and suffixes (anti-, kontra-, post-, -ing, -gate), which have evolved from peripheral elements into active word-formative tools, as well as fluctuations in the gender assignment of indeclinable borrowings, reflecting a restructuring of native speakers' evaluative categories. The paper concludes with the hypothesis that globalization paradoxically highlights, rather than erodes, the uniqueness of the Russian morphological system, which demonstrates a high degree of resistance: while borrowing vocabulary, the language reshapes it according to its internal laws, refusing to assimilate foreign grammatical models that contradict its genetic structure.

KEYWORDS: globalization, morphological system, borrowing, word formation, gender of indeclinable nouns, affixal productivity, grammatical adaptation, internationalization.

Представление о том, что язык способен оставаться неизменным под натиском внешних влияний, принадлежит к разряду ностальгических заблуждений. Ни один живой язык никогда не был герметичным сосудом, и русский — с его многовековой историей контактов с тюркскими, финно-угорскими, греческим, латинским, немецким, французским и, наконец, английским — служит блистательным подтверждением этого тезиса. Однако масштаб и природа современных глобализационных процессов, захвативших последние три десятилетия, качественно отличаются от всего, что русский язык переживал прежде. Речь идет не о заимствовании отдельных слов для обозначения новых реалий (что происходило всегда), а о глубинном воздействии на самые основы морфологического механизма — на то, как язык образует новые слова, как согласует их друг с другом и как распределяет по грамматическим классам. Глобализация, понятая как унификация коммуникативных практик под доминирующим влиянием англо-американской культуры, не просто поставляет новые лексемы — она предлагает новые модели мышления, новые способы концептуализации и, что особенно важно для лингвиста, новые словообразовательные и грамматические образцы.

Одним из самых ярких симптомов морфологической перестройки современного русского языка является экспансия интернациональных префиксов, которые из ученой периферии переместились в самое сердце активного словообразования. Приставки греко-латинского происхождения — анти-, контр-, псевдо-, квази-, супер-, гипер-, ультра-, экс-, пост-, прото-, архи- — существовали в русском языке и ранее, но их продуктивность была ограничена преимущественно книжной, научной и публицистической речью. Сегодня они ведут себя как полноценные живые аффиксы, способные присоединяться не только к заимствованным основам, но и к исконно русским корням, и к любым новообразованиям. Исследовательница современного

медийного словотворчества Л.В. Рацибурская, анализируя эту тенденцию, пришла к выводу, который можно переформулировать следующим образом: глобализация привела к тому, что интернациональные деривационные элементы утратили свою стилистическую маркированность и превратились в нейтральные словообразовательные средства, активно используемые даже в обиходно-бытовой речи. Префикс супер- сегодня можно услышать в магазине («суперскидка»), в школе («суперзадача») и в семейном кругу («суперновость») — при том, что еще тридцать лет назад его употребление вне академического или партийного дискурса было бы воспринято как манерность или ирония.

Не менее показателен процесс освоения иноязычных суффиксов, которые проникают в русскую морфологическую систему не как изолированные элементы, а как целые продуктивные модели. Суффикс -инг, пришедший из английского герундия, сегодня не просто заимствуется в готовых словах типа «маркетинг» или «лизинг», но и начинает вести себя как настоящий русский словообразовательный аффикс, порождая гибридные образования: «пикапинг» (от пикап — вид автомобиля или флирта), «тренинг» (уже устоялось), «шопинг» (полностью ассимилировалось). Еще более яркий пример — суффиксоид -гейт, восходящий к названию отеля «Уотергейт», который превратился в международный словообразовательный элемент для обозначения скандалов и разоблачений. В русском языке он породил серии слов («бигейт», «дипгейт», «письмогейт»), причем важнейшая морфологическая деталь заключается в том, что эти образования ведут себя как существительные мужского рода и склоняются по первому склонению — то есть полностью ассимилируются в русской падежной системе. Перефразируя выводы Л.В. Рацибурской о динамических аспектах интернационализации, можно утверждать, что сама возможность таких образований свидетельствует о принципиальном сдвиге в языковом сознании:

носители русского языка начинают воспринимать иноязычные морфемы как свои, родные, и оперируют ими с той же степенью синтаксической и словообразовательной свободы, что и с исконными суффиксами и приставками¹.

Категория рода — одна из самых устойчивых, казалось бы, зон морфологической системы — также демонстрирует симптомы глобализационного давления, хотя и в более сложных, опосредованных формах. Несклоняемые заимствованные существительные, хлынувшие в русский язык в 1990–2000-е годы, создали зону грамматической неопределенности, которая продолжает разрешаться в реальной речевой практике. Какого рода слова «кофе», «виски», «шоу», «киви» (фрукт), «пенальти», «рефери», «медиа», «хайп»? Нормативные предписания здесь часто запаздывают или оказываются бессильными перед лицом узуса. Лингвистические исследования фиксируют, что колебания в родовой атрибуции этих слов не случайны — они отражают более глубокие процессы переоценки категорий одушевленности и активности под влиянием западных культурных моделей. Слово «виски» (whisky) в английском языке не имеет грамматического рода, но в русском оно должно его обрести. Каким он будет? Мужским, как большинство названий алкогольных напитков («коньяк», «ром», «джин», «виски» — но не «водка», которая женского рода)? Или средним, как многие другие несклоняемые заимствования («пальто», «кино», «шоу»)? Реальная практика показывает доминирование мужского рода («виски» — он), что, вероятно, объясняется аналогией с другими крепкими алкогольными напитками. Но показателен сам факт, что колебания возможны

- ¹ Дегальцева А.В., Сиротинина О.Б. Отношение носителей русского языка к его нормам: динамический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2024. — Т. 24, № 2. — С. 124–130. (Переформулирована идея о снижении заботы о форме выражения мысли в XXI веке, обусловленном цифровизацией и формированием «клипового мышления», что ведет к размыванию грамматических норм под влиянием узуса).

— они означают, что грамматическая система перестраивается, адаптируя новые единицы.

Еще сложнее обстоит дело с аббревиатурами и сложносокращенными словами, которые активно проникают в русский язык из международной практики, особенно в сфере экономики и информационных технологий. Сокращения типа «SEO», «HTML», «VPN», «CEO», «SMM» входят в русскую речь почти без изменений, но их грамматическое оформление вызывает серьезные трудности. Какого рода аббревиатура «СММ»? Если мысленно развернуть ее в «средства массовой информации» — это средний род (по слову «средства»), но если развернуть в «социальный медиа-маркетинг» — мужской. На практике носители языка часто предпочитают приписывать родовую принадлежность по опорному слову «агентство» («СММ-агентство» — средний род) или просто оставляют аббревиатуру несклоняемой. Исследователи современного русского словообразования отмечают, что аббревиация как способ словообразования становится все более продуктивной под влиянием глобализации, что приводит к своего рода «конкуренции» между исконными словообразовательными моделями и интернациональными.

Особого внимания заслуживают случаи, когда глобализация влияет не на лексический состав языка, а на саму структуру словообразовательных гнезд. В русском языке традиционно действует принцип: заимствованное слово включается в словообразовательную систему, обретая способность порождать производные с помощью исконных аффиксов. Из «компьютера» получается «компьютерный», «компьютеризация», «компьютерчик». Однако современные процессы ускоряются и интенсифицируются: новые заимствования практически мгновенно (в течение нескольких лет) обрастают целыми словообразовательными гнездами. Слово «хайп» (hype), прочно вошедшее в русский язык в конце 2010-х годов, сегодня уже имеет формы

«хайповый», «хайпануть», «хайпожор», «распиарить». Этот темп словообразовательной ассимиляции беспрецедентен. Исследовательница П.Н. Магомедгаджиева, анализирующая композиты-интернационализмы, приходит к выводу, который можно переформулировать так: на рубеже XX–XXI веков русский язык демонстрирует беспрецедентную скорость словообразовательной адаптации заимствований, причем наиболее активными являются не исконно русские, а интернациональные по происхождению словообразовательные модели, которые как бы «готовы» к приему новых основ².

Категория числа, традиционно устойчивая в русской грамматике, также обнаруживает следы глобализационного воздействия, хотя и косвенного. Речь идет прежде всего о так называемых «*pluralia tantum*» — словах, употребляющихся только во множественном числе (джинсы, часы, ножницы). Под влиянием английского языка, где форма множественного числа часто маркирует не объективно множественные объекты, а абстрактные понятия (*mathematics, physics, news*), в русском языке наблюдается тенденция к использованию форм множественного числа для обозначения сфер деятельности, технологий и социальных практик. «Технологии», «инновации», «тренды», «коммуникации» во множественном числе сегодня часто обозначают не множество отдельных объектов, а целостные области, что сближается с англоязычной моделью. Некоторые исследователи видят в этом влияние глобализации на семантические категории, опосредованное через грамматическую форму числа.

-
2. ² Косырева М.С. (ред.). Грамматические особенности глобализмов в современном российском военном дискурсе // *Russian Linguistic Bulletin*. — 2025. — № 9 (69). (Использована концепция грамматической адаптации глобализмов как процесса приобретения иноязычным словом морфологических особенностей языка-реципиента, включая категории рода, числа и падежа).

Между тем, было бы глубокой ошибкой представлять глобализацию как однонаправленный процесс, в котором русский язык пассивно принимает иноязычные формы. Напротив, сама структура русского языка оказывает мощное сопротивление тем иноязычным моделям, которые противоречат его фундаментальным морфологическим принципам. Классические исследования по адаптации заимствованных корней в русском языке, обобщенные в работах последних лет, показывают, что процесс заимствования имеет четкие ограничения: русская морфология практически никогда не заимствует иноязычные падежные окончания, не ассимилирует чужие модели образования множественного числа (за редчайшими исключениями типа «кофе — кофе»), не принимает английские способы выражения временных и залоговых отношений. Иными словами, глобализация «бьется» о грамматический строй русского языка и, как правило, отступает, оставляя после себя лишь обогащенную лексику и несколько новых словообразовательных моделей, которые органично вписываются в существующую систему.

Русский язык, подобно сложному организму, вырабатывает иммунные механизмы, отторгающие те инородные грамматические элементы, которые угрожают его идентичности. Примечательный пример — судьба английского причастия настоящего времени с окончанием *-ing*. В русском языке это окончание заимствуется как часть лексемы, но никогда не функционирует как самостоятельный грамматический показатель. Русский язык не образует форм типа «я есть идущий» по аналогии с «I am going» — напротив, заимствованные слова с *-инг* ведут себя как обычные существительные мужского рода, склоняются и вступают в синтаксические связи по правилам русской грамматики. Это блестящее подтверждение тезиса о «резистентности» русской морфологии: она впитывает лексику, но отказывается поглощать чужие грамматические алгоритмы.

Феномен глобализации обнажил и другой любопытный процесс: активизацию словообразовательных моделей, которые веками оставались маргинальными, но оказались «востребованы» для оформления новых реалий. Речь идет о префиксах греко-латинского происхождения, которые вдруг обрели поразительную продуктивность. Тот факт, что из всех возможных приставок именно анти-, сверх-, гипер-, супер-, экстра- вышли на передний план, не случаен. Эти приставки несут в себе семантику интенсивности, превосходной степени, выхода за пределы нормы — именно те смыслы, которые востребованы в эпоху «интенсификации» всех сфер жизни, когда даже обычный товар должен быть «супер-», «мега-» или «ультра-». Исследователи влияния социокультурных факторов на русский язык отмечают, что глобализация и цифровизация коммуникации приводят к заметному упрощению и огрублению речи, снижению контроля за соблюдением языковых норм и активному проникновению разговорных и даже жаргонных элементов во все сферы общения. Приставка «мега-», пришедшая из греческого через английский, сегодня может присоединяться к любому слову: «мегакрутой», «мегахайповый», «мегауспешный» — и эти образования уже не воспринимаются как окказиональные³.

Особый аспект проблемы — влияние глобализации на морфологию через изменение коммуникативных практик. Интернет, социальные сети, мессенджеры создали условия, в которых письменная речь все больше приближается к устной по степени спонтанности и небрежности. Это привело к массовому проникновению разговорных и даже просторечных морфологических форм в сферы, которые раньше были под строгим

3. Магомедгаджиева П.Н. Композиты-интернационализмы в русском языке новейшего времени // Вестник ДНЦ РАН. — 2025. — Вып. 96. — С. 112–116. (Переформулирован вывод о беспрецедентной скорости словообразовательной адаптации заимствований на рубеже XX–XXI веков, при которой наиболее активными оказываются интернациональные словообразовательные модели).

контролем литературной нормы. Формы типа «в магазине» вместо «в магазине» (хотя это не морфология, а орфоэпия) и грамматические ошибки в падежных окончаниях («нет время», «много делов») становятся все более распространенными. Исследователи, анализирующие отношение носителей языка к нормам, приходят к выводу, который можно сформулировать следующим образом: в XXI веке наблюдается беспрецедентное снижение заботы о форме выражения мысли, вызванное цифровизацией коммуникации и формированием «клипового мышления», что ведет к постепенному размыванию грамматических норм.

Парадоксальным образом глобализация не только приносит в русский язык новые морфологические элементы, но и способствует сохранению архаичных, казалось бы, уходящих форм. Феномен «возвращения» звательного падежа («Вань», «мам», «пап», «Тань») в неформальной интернет-коммуникации — хотя это и не заимствование — происходит на фоне общего ослабления контроля за грамматической правильностью. Некоторые исследователи связывают это с тем, что глобализация создает запрос на маркирование культурной специфичности: носители языка, осознавая давление унифицированных международных моделей, подсознательно компенсируют это активизацией «своего», пусть даже архаичного или просторечного.

Морфологическая система русского языка, таким образом, оказывается в напряженном поле между двумя тенденциями. С одной стороны, глобализация требует унификации словообразовательных моделей, внедрения интернациональных аффиксов и ускоренной ассимиляции заимствований. С другой стороны, сама структура языка сопротивляется полной унификации, сохраняя свои базовые категории (падеж, род, склонение) в неприкосновенности. Это противостояние создает динамическое равновесие,

в котором рождается новый, гибридный языковой узус: слова, образованные по интернациональным моделям из заимствованных корней, склоняются по русской падежной системе, приобретают родовую принадлежность по законам русской грамматики и вступают в согласование со всеми членами предложения.

Военный дискурс, как одна из наиболее динамичных и одновременно консервативных сфер языка, дает богатый материал для наблюдения за этими процессами⁴. Анализ глобализмов в современном российском военном дискурсе показывает, что заимствованные термины (дрон, хакер, кибератака, санкции, бойкот) не только активно используются, но и подчиняются всем правилам русской морфологии: приобретают падежные окончания, категорию рода и числа, способность к согласованию. При этом наиболее сложным для грамматической ассимиляции оказываются не существительные, а прилагательные и глаголы, которые требуют более глубокой перестройки. Исследователи грамматических особенностей глобализмов отмечают, что, в отличие от более ранних эпох, когда заимствованные прилагательные часто оставались несклоняемыми (вспомним «брюки клеш», «платье макси»), сегодня наблюдается тенденция к их полной морфологической адаптации: «брендовый», «офисный», «креативный» — все эти слова склоняются как обычные русские прилагательные.

В заключение следует подчеркнуть, что влияние глобализации на морфологическую систему русского языка не является линейным или

---

4. Щербакова Е.В. Borrowed roots and their adaptation in Russian language // Zenodo. — 2025. (Использована концепция ограничений языкового заимствования: русская морфология не заимствует иноязычные падежные окончания и модели образования множественного числа, отторгая те грамматические элементы, которые угрожают ее системной идентичности).

однозначно разрушительным. Оно, скорее, напоминает работу катализатора, который ускоряет процессы, уже заложенные в самой системе. Русский язык всегда был языком синтетическим, с богатой системой словоизменения и словообразования. Глобализация не изменила эту фундаментальную характеристику, но она привела к тому, что некоторые морфологические механизмы заработали с невиданной прежде интенсивностью. Интернациональные префиксы, дремавшие на периферии, стали ядерными словообразовательными средствами. Заимствованные суффиксы проникли в разговорную речь. Колебания в родовой принадлежности несклоняемых существительных высветили противоречия между старыми нормами и новым узусом. И при всем при этом русская морфология осталась сама собой — с шестью падежами, с тремя родами, с развитой системой склонения и спряжения. Она не утратила ни одной из своих фундаментальных категорий, она лишь изменила баланс продуктивности между разными словообразовательными моделями. Это позволяет говорить о том, что глобализация не столько трансформирует морфологический строй русского языка, сколько обнажает его глубинные, латентные свойства, делая видимыми те механизмы, которые веками работали в тени.

Русский язык, конечно, не останется прежним. Но его изменения — это не болезнь и не деградация, а естественный эволюционный процесс, ускоренный глобализацией. И то, что мы наблюдаем сегодня — экспансия интернациональных аффиксов, колебания родовой принадлежности заимствований, ускоренное словообразование — это не симптомы распада, а признаки жизни, причем жизни интенсивной и творческой.

Список литературы:

1. Дегальцева А.В., Сиротинина О.Б. Отношение носителей русского языка к его нормам: динамический аспект // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. — 2024. — Т. 24, № 2. — С. 124–130. (Переформулирована идея о снижении заботы о форме выражения мысли в XXI веке, обусловленном цифровизацией и формированием «клипового мышления», что ведет к размыванию грамматических норм под влиянием узуса).

2. Косырева М.С. (ред.). Грамматические особенности глобализмов в современном российском военном дискурсе // *Russian Linguistic Bulletin*. — 2025. — № 9 (69). (Использована концепция грамматической адаптации глобализмов как процесса приобретения иноязычным словом морфологических особенностей языка-реципиента, включая категории рода, числа и падежа).

3. Магомедгаджиева П.Н. Композиты-интернационализмы в русском языке новейшего времени // *Вестник ДНЦ РАН*. — 2025. — Вып. 96. — С. 112–116. (Переформулирован вывод о беспрецедентной скорости словообразовательной адаптации заимствований на рубеже XX–XXI веков, при которой наиболее активными оказываются интернациональные словообразовательные модели).

4. Рацибурская Л.В. Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. — 2014. — № 5 (24). — С. 25–31. (Использована идея о трансформации интернациональных аффиксов из периферийных элементов в активные словообразовательные средства и о влиянии социокультурных факторов на их продуктивность).

5. Сидорова М.Ю. Increasing the influence of socio-cultural factors on the “Russian language today” // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. — 2025. — № 3 (45). — С. 85–93. (Переформулирован тезис об амбивалентном влиянии глобализации: с одной стороны — обогащение

морфемного состава и семантической структуры лексем, с другой — огрубление речи и снижение заботы о литературной норме).

6. Щербакова Е.В. Borrowed roots and their adaptation in Russian language // Zenodo. — 2025. (Использована концепция ограничений языкового заимствования: русская морфология не заимствует иноязычные падежные окончания и модели образования множественного числа, отторгая те грамматические элементы, которые угрожают ее системной идентичности).